

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Анна Ольховская

Снежная
жаба

Анна Ольховская

Снежная жаба

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3936925

Снежная жаба : роман / Анна Ольховская: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57901-3

Аннотация

Глубоко в Уральских горах в секретных лабораториях члены нацистской организации «Аненербе» пытаются вывести идеальных арийцев, которые в будущем подчинят себе весь мир. Ученые значительно преуспели в этом, один такой совершенный экземпляр уже имеется. Теперь же их основной задачей является получение от красавца Кая идеального потомства. Но удавшийся генетический эксперимент ни в коем случае не желает становиться самцом-производителем расы «господ» и всячески уворачивается от выполнения супружеского долга с совершеннейшей из женщин. Мало того, у идеального арийца в прошлом было чувство к русской девушке Вике, которая по всем канонам фашистской науки относится к расе «недочеловеков». Но Каю наплевать на выводы «Аненербе», единственное, чего он хочет, – это вызволить любимую из лап злобного маньяка, который силой удерживает Вику в заброшенном доме в лесу...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	64
Глава 10	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Анна Ольховская

Снежная жаба

Глава 1

– Я не знаю! Не знаю! Я делаю все, что вы говорите, я подмешиваю Каю в пищу те препараты, которые вы мне даете, я тщательно слежу за своим здоровьем, доктор Краух гарантирует, что мой организм идеален для зачатия и вынашивания здорового ребенка! – Точеные черты лица, совершенством которых природа могла бы заслуженно гордиться (если бы только она, природа, была в данном случае главным скульптором), безобразно исказились, молочно-белая кожа пошла пятнами, и владелица всей этой красоты мгновенно превратилась из надменной холодной красавицы в рыночную торговку. – Прежде чем предъявлять претензии мне, Грета, вам стоило бы поинтересоваться здоровьем вашего сына!

– Брунгильда, что за тон? – Статная женщина средних лет, осанкой и выражением лица напоминавшая приснопамятную «железную леди», надменно приподняла бровь. Левую. – Не забывайся, милочка! Ты разговариваешь не просто со свекровью, но с Президентом Восточного подразделения «Аненербе». И твоя неспособность зачать ребенка ставит под угрозу результат многолетнего труда нашей орга-

низации. Ты прекрасно осведомлена, каких трудов стоило нашим предшественникам сохранить ядро «Аненербе» после победы восточных варваров и их англосаксонских приспешников! И скольким пришлось пожертвовать ради иллюзии полного уничтожения исследовательского центра великой нордической расы! Смерть наших основателей, наших духовных отцов, Генриха Гиммлера и Вольфрама Зиверса, не должна была стать бессмысленной, мы обязаны были поднять упавшее знамя ариев и понести его дальше! – Поначалу холодные, блекло-голубые глаза женщины постепенно разгорались, и к середине лопавшейся от пафоса речи они уже пылали фанатичным огнем. – И мы подняли! И понесли! И пошли ради этого на невыносимые жертвы, добровольно уйдя фактически под землю! Потому что пещеры в горах, пусть и максимально обустроенные для комфортного существования, все равно остаются норами, куда не попадает солнечный свет. Но зато и не мешает никто, и наши ученые могут спокойно трудиться над возрождением великой расы. В венах которой будет течь чистейшая, без малейших примесей, кровь сверхлюдей, гиперборейцев, ариев, владевших когда-то всем северным континентом и обладавших невиданным могуществом! Но потом пришли человекозвери с юга, из Гондваны, и арии не удержались от скрещивания с ними. И постепенно утратили свою сущность, превратившись в обычных людей! И наш институт, «Аненербе», был создан много лет назад именно с целью возрождения былой мощи,

воссоздания чистоты расы. И наши ученые были флагманами науки того времени, многие открытия в области медицины принадлежат им! А все потому, что они не были перегружены так называемыми моральными устоями и спокойно использовали для экспериментов всех этих недочеловеков, благо концлагеря бесперебойно поставляли подопытных животных. А после краха Третьего рейха «Аненербе» пришлось возрождаться из руин, и было потеряно несколько драгоценнейших лет на обустройство и подбор кадров. Центром возрождения стала твоя родина, Брунгильда, Альпы. Там был найден целый каскад сообщающихся пещер, причем можно было добираться до места, практически не привлекая к себе внимания. И снабжение наладить было гораздо проще, все-таки цивилизованная Европа. Там родилась и я. Первое поколение, так сказать, генетически очищенных людей. Но степень принадлежности к нордической расе у нашего поколения была еще недостаточно высока, и ученые продолжили исследования. И я с детских лет гордилась тем, что принадлежу к числу избранных, тех, кому предстоит возродить величие ариев! Поэтому с радостью соглашалась на любые эксперименты, принимала все новые разработанные для очистки генов препараты, училась, развивала интеллект, получила два высших образования – в области биологии и в области психологии. Наши ученые параллельно с развитием генетики не оставили исследования и по части современных технологий, и теперь у нас есть оружие и приборы, которые тем,

наверху, даже и не снились!

– А я вот не понимаю, почему тогда мы все до сих пор живем в этих норах! – топнула ногой Брунгильда. – Мы давно уже могли уничтожить большую часть населения планеты, очистив для себя жизненное пространство!

– Да ты, я вижу, принадлежишь к радикальному крылу нашей организации! – усмехнулась Грета. – В которой состоят, как ты заметила, только такие молодые и глупые арии, как ты.

– Не глупые, а смелые!

– Именно глупые. Потому что не способны просчитывать свои действия хотя бы на два шага вперед. Да, мы могли бы уничтожить большое количество людей, а остальных – зомбировать с помощью нашей аппаратуры, превратив в послушных рабов.

– Так что же нам мешает?

– В данный конкретный момент – ты.

– Я?!

– Да, ты. Ты уже два года замужем за моим сыном и никак не можешь родить ребенка! Первого чистокровнейшего ария! Обладающего ментальной силой своего отца! Основателя и надежду нашей расы! Ведь только для этого тебя привезли сюда, а вовсе не за твои красивые серебряные глаза. Хотя именно эти глаза и стали причиной выбора тебя в качестве жены моего сына. Потому что больше ни у кого таких нет, а именно такое серебро описано в древних рунах, рас-

сказывающих об ариях.

– Я все еще не понимаю, какое отношение это имеет к невозможности перейти к радикальной зачистке планеты!

– Да потому что нас мало! – Женщина раздраженно хлопнула ладонями по подлокотникам кресла, в котором сидела. – Катастрофически мало! Генетически очищенные арии рождались очень редко, много было бракованного материала, который сразу же уничтожался. Там, в Альпах, у вас совсем плохи дела, я знаю. Ведь именно по этой причине больше тридцати лет назад, когда мне было пятнадцать, мой отец, один из лучших генетиков «Аненербе», решил основать еще одно подразделение, но там, где имеется мощнейший источник природной энергии. В свое время экспедиции института исследовали много таких мест, и самое сильное находится на Тибете. Но оно практически недоступно, а о том, чтобы основать там научный центр и поселение, и речи быть не могло. Поэтому было выбрано это место, в горах Урала. Тоже не рай, скажем прямо. Особенно по сравнению с обжитыми Альпами! Ты не представляешь, с какими трудностями нам пришлось столкнуться, когда мы приехали сюда! И сколько средств ушло на обустройство! Но зато мы сразу, с первых дней, проведенных на каменном полу холодных пещер, ощутили на себе действие энергии Земли. И мой отец уже через год смог вернуться к продолжению исследований, а еще через два здесь начали появляться дети. И каждый из них выгодно отличался от рожденных в Аль-

пах. Они были сильнее, выносливее, и самое главное – внешне все больше и больше приближались к идеалу. Да и процент брака значительно снизился, утилизировали лишь где-то около трети младенцев. А потом мой отец заболел. Ему было всегда трудно жить под землей, его астма прогрессировала. И когда он почувствовал, что конец совсем близок, он решился на эксперимент, над которым без отдыха работал последние три года. И который во время проведения опытов давал максимальный процент брака, но в случае успеха сулил серьезный прорыв, можно сказать – революцию в исследованиях. Отец учел все прошлые ошибки, доработал методику и был готов к появлению на свет стопроцентного ария. Но доверить честь стать матерью этого ребенка он мог только своей дочери. Хотя определенный риск, причем весьма серьезный, оставался – методика была совсем новая. И имелась угроза для жизни беременной, поскольку воздействие на плод должно было проводиться на протяжении всего срока. Сегодня я могу признать, что согласие на эксперимент далось мне с огромным трудом, потому что я в тот момент была влюблена. И любима. – На мгновение в блекло-голубых глазах мелькнула боль. – И надеялась родить ребенка естественным путем, от любимого человека, тем более что он тоже был из первого поколения генетически очищенных людей, и наш малыш вполне соответствовал бы целям и задачам «Аненербе». Но отец смог убедить меня, что личное в нашем деле – только помеха. И мое предназначение – служить великому

делу возрождения ариев, ради которого моя мать отдала когда-то жизнь, произведя на свет меня. В общем, я согласилась... И поверь мне, Брунгильда, это были самые трудные и ужасные девять месяцев моей жизни. Я думала, что не выдержу. Но я смогла! И на свет появился Кай. Когда мой отец увидел серебряные глаза внука, он понял – получилось! Он все-таки сделал это! И спустя тысячи лет на свет появился настоящий, истинный, генетически чистый арий! Отец тогда еще не знал, что Кай наделен не только внешностью предков, но и их ментальной мощью, хотя пульсирующие зрачки ребенка несколько озадачили его. Но он прожил всего месяц после рождения внука, а потом очередной приступ астмы унес его в могилу. А вместе с ним туда ушел и секрет его методики, потому что, судя по всему, отец основные, ключевые моменты держал в голове. Во всяком случае, точное следование его записям больше не приводило к повторению результата, Кай остается единственным в своем роде. И мы снова, уже в стотысячный раз, пожалели о том, что один из лучших умов «Аненербе», гений медицины доктор Менгеле, так бездарно погиб где-то в Латинской Америке! Утонул! Абсурд – спастись из лап варваров, чтобы банально утонуть в реке! И у нас осталась одна надежда – на детей Кая. Правда, мы надеялись, что Кай станет поставлять нам свой генетический материал, когда повзрослеет, но увы, – женщина криво усмехнулась, – мой сын категорически отказался участвовать в экспериментах. Он всегда довольно прохлад-

но относился к моей работе в области генетики, а отбраковка неудачного материала его коробит. «Ты будешь усыплять моих детей как больных котят?!» Моих детей! – возмущенно воскликнула Грета. – Как можно считать результат экспериментов настоящим ребенком! Хотя мой сын всегда был и остается довольно странным, но это вполне объяснимо, если учесть его способности. Мысли он, конечно, не читает, но настроение, чувства, намерения, энергетику всего живого он ощущает и передавать свою волю, гипнотизировать, подчинять умеет. И обмануть его практически невозможно, хотя иногда получается.

– Это вы про ту славянскую девку, с которой ваш сын спутался накануне нашей свадьбы? – брезгливо поморщилась Брунгильда. – Хорошо, что мой отец ничего не знал об этом, иначе свадьбы не было бы!

– Я и мои люди сделали все возможное, чтобы свадьба состоялась, ты же знаешь! Я вынудила Кая забыть о девице, пообещав в случае послушания ликвидировать эту самку недочеловека. А если он будет выполнять все, что должен, мы оставим девку в покое. И поскольку до сих пор я никогда не обманывала своего сына, Кай мне поверил. И был уверен, что мы отпустили его «даму сердца». Но этого мы сделать не могли – у нас имелись обязательства перед Фридрихом фон Клотцем, от которого и сбежала эта самка. Так что пришлось вернуть беглянку ему, в обмен на постоянное финансирование нашей организации. Правда, этот неудач-

ник умудрился все запороть, но нашей вины в случившемся уже не было¹. А ты стала женой моего сына. И вот уже два года спишь с ним в одной постели, а результат – нулевой! Я уже подумываю о том, чтобы найти ему другую жену, пусть и не такую совершенную, как ты, главное, чтобы их ребенок унаследовал ментальные способности отца, тогда через двадцать-тридцать лет «Аненербе» выйдет из пещер и вернет власть над планетой нордической расе!

– Но я... Я же здорова!

– Я это уже слышала! В общем, так, Брунгильда, – я даю тебе еще полгода. Не забеременеешь – отправишься домой!

– Да послушайте же! Грета, ваш сын делает все возможное, чтобы ребенка не было, понимаете?

– Избавь меня от подробностей, – поморщилась женщина. – Если ты не можешь завести мужчину так, чтобы он потерял всякий контроль, – тем хуже для тебя.

¹ См. роман Анны Ольховской «Тайны, деньги, два осла».

Глава 2

– Я поняла. – Брунгильда покорно склонила голову и, приблизившись к свекрови, попыталась поцеловать той руку. – Я сделаю все, чтобы продолжить великое дело возрождения нордической расы! Вы можете не волноваться больше, Грета, в ближайшие два-три месяца я сообщу вам о зачатии нашего с Каем ребенка.

– Прекрати! – недовольно поморщилась женщина, убирая руку от губ невестки. – Что за раболепство такое! Подобное поведение допустимо в отношении всех этих недочеловеков, они действительно должны знать, кто их господин. Но ты, Брунгильда! Ты же гордость своего отца, результат долгих лет исследований и экспериментов, проводимых учеными Западного подразделения «Аненербе»! Они шли параллельно с нами, мы специально не делились нашими наработками, чтобы расширить возможности. И, когда у Эрнста Вюрнсдорфа, тогда еще не Президента, а члена Президиума Западного подразделения, получилась ты, ребенок с такими же внешними данными, как и мой сын Кай, которому на тот момент исполнилось десять лет, – это был настоящий прорыв! Мы доказали, что все эти годы лишений не были напрасными, и теперь у нас есть реальное будущее. И тебя сразу должны были воспитывать соответствующим образом, как будущую мать нации! А ты как себя ведешь? Словно

горничная из глухой тирольской деревушки! Ты все больше разочаровываешь меня, Брунгильда! И знаешь, – Грета поднялась с кресла и направилась к выходу, показывая, что разговор окончен, – я, пожалуй, не очень расстроюсь, если Кай заведет ребенка на стороне. Все наши девушки имеют очень высокий процент принадлежности к чистой арийской расе, так что любой ребенок Кая будет качественным. Раз мой сын не хочет участвовать в лабораторных экспериментах – пусть станет многодетным отцом. Главное – пообещать ему, что ни один из его детей не будет отбракован. Да, я думаю, это действительно не понадобится, у моего сына великолепная генетика. И самый удачный из его детей станет его официальным наследником. А разводить его с тобой я не буду, живи, если он тебе нравится...

– Я люблю его! – выкрикнула Брунгильда, сжав кулачки. – И не позволю ему тискаться по углам с местными шавками!

– Поосторожнее в выражениях, девочка. – Глаза свекрови недобро прищурились. – Шавок здесь нет, а есть прекрасные арийские девушки, одна лучше другой. Да, у них нет твоего цвета волос и твоих глаз, но и времени на то, чтобы терпеливо ждать, пока ты завоюешь расположение моего сына, у нас тоже нет. Я сегодня же поговорю с сыном, отпущу, так сказать, поводок, пусть мальчик развлечется. А то он что-то совсем захандрил, отсиживается в своей лаборатории сутками, я его почти не вижу. Или по лесу гуляет вместе со своим псом, и ведь не только ночью – днем выходит, расходуя

без серьезных на то причин защищающую от ультрафиолета мазь. Раньше он больше общался со своими людьми, принимал участие в заседаниях Президиума, соглашался на исследования нашими учеными предела его возможностей. А после того инцидента с девкой фон Клотца Кая словно подменили. Я очень надеялась, что тебе удастся заставить своего мужа забыть это временное помрачение рассудка, но увы – за прошедшие два года ты ничего не добилась. Он хоть принимает те препараты, что я даю тебе?

– Я же вам говорила – да, принимает! Я лично подмешиваю их в его питье!

– А он точно все выпивает?

– Когда как. Иногда все, иногда только чуть пригубит.

– Очень плохо! – поджала губы Грета. – Эти препараты надо принимать строго дозированными и постоянно, тогда вероятность рождения у Кая детей, полностью унаследовавших способности своего отца, может достигнуть восьмидесяти процентов! А из-за твоей бестолковости эта цифра скорее всего существенно уменьшится! Все, Брунгильда, я ухажу! Я сказала тебе все, что хотела, а теперь мне надо поговорить с сыном. А ты делай выводы. И научись, наконец, вести себя достойно!

И женщина нажала кнопку на стене. Дверь бесшумно уехала в сторону, и Президент Восточного подразделения «Аненербе» Грета Ландберг стремительно вышла из комнаты.

Брунгильда на цыпочках подбежала к выходу и замерла, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Затем снова ткнула пальцем в придремавшую было кнопку.

Получив бесцеремонный тычок в... гм... спину, кнопка возмущенно пискнула и, бурча что-то неразборчивое, послала сигнал сервоприводу, приводящему дверь в движение.

Не сказать, чтобы сервопривод особо обрадовался этому сигналу, но – работа у него такая: сиди в стене да эту стальную штуковину туда-сюда двигай.

Он и двинул. Штуковина и закрылась.

– Старая сука! – прошипела Брунгильда, изо всех сил пнув стоявший возле стены стул. – Ты мне за все ответишь! И за высокомерие свое, и за тупые принципы, и за трусость, и за сегодняшнее унижение – за все! Как только я рожу ребенка от Кая, и ты, и все остальное старичье из Президиума отправитесь на свалку! А ваше место у руля «Аненербе» займем мы! Молодые и сильные! Истинные арийцы с незамутненным предрассудками и нелепой осторожностью разумом! И нашим единственным Президентом, главой обоих подразделений, станет твой сын Кай! Правда, он еще не знает об этом, но скоро узнает! Как только я смогу заставить его полюбить меня...

Похоже, это «как только» было более чем серьезной проблемой, настоящей подводной скалой, на которую несущийся на всех парусах корабль нацистской мечты в очередной раз напоролся со всей дури.

Во всяком случае, пылающие мстительной мечтой глаза девушки мгновенно погасли, пафос сменился тоскливым раздражением, и валявшемуся на полу стулу, искренне рассчитывавшему на правдивость поговорки «лежачего не бьют», пришлось испытать очередной крах жизненных устоев.

Его снова пнули! Причем не один раз! И пинали бы дальше, не подставь он удачно одну из ножек, соорудив весьма болезненный для человеческой ноги блок.

– ...! – вскрикнула гордость Западного подразделения «Анерerbe», генетически стерильная человеческая особь, по праву гордившаяся совершенством своего тела и идеальной внешностью. А еще ее образованием и воспитанием занимались лучшие истинно арийские умы, так что, по идее, на выходе должен был получиться великолепный образец, настоящая Ева будущей нордической расы. Вот только непонятно тогда, откуда в лексиконе этой квази-Евы имел место весьма обширный словарный запас портовых грузчиков Гамбурга, коим она сейчас весьма щедро делилась с обстановкой своей комнаты. – ...!.. мать!...!!!

А еще краса и гордость «Наследия предков» при этом забавно прыгала, трясая ногой, что отдаленно напоминало па ирландской джиги.

В целом все было очень мило.

Причем Брунгильда так увлеклась, что не услышала, как дверь снова уехала в стену – а все из-за чересчур исполни-

тельного сервопривода, даже мысли не допускавшего о возможном скрипе, – и в комнату вошел высокий, великолепно сложенный молодой мужчина.

Он производил весьма странное впечатление – смесь восторга и страха.

Его идеальными чертами лица, анатомически совершенным телом, гибкой грацией движений нельзя было не восторгаться. А молочно-белая кожа, длинные, зачесанные назад волосы цвета платины и странная, насыщенно-серебристая радужка глаз вовсе не казались чем-то неправильным, наоборот – все вместе выглядело весьма гармонично.

Если бы не одно «но», и вызывавшее интуитивный, подсознательный страх.

Его зрачки.

Не привычно круглые, а похожие на постоянно меняющие форму пульсары. Причем необычного темно-фиолетового оттенка.

Долго смотреть в эти глаза не стоило – голова начинала кружиться, а сознание превращалось в маленькую точку, уступая место чужому сознанию и чужой воле.

Именно это и делало Кая Ландберга практически неуязвимым.

И именно это его мать Грета и рассчитывала размножить в потомках Кая.

Чтобы получить расу неуязвимых господ, одним взглядом превращающих людей в покорных рабов.

Глава 3

Вот только сам Кай был вовсе не в восторге от столь глобального замысла. Он вообще оказался очень странным, с точки зрения всех членов не просто ушедшего в подполье, а зарывшегося под землю нацистского гнезда.

Они все, до единого, были фанатичными приверженцами идеи возрождения великой нордической расы, их так воспитывали с пеленок. Среди жителей пещер уже практически не осталось уцелевших после окончания Второй мировой войны первых членов «Аненербе», здесь, на Урале, таких было двое – дряхлых, впавших в маразм старцев, а в Альпах кряхтели целых четверо, причем один из них все еще принимал участие в научных экспериментах. Но в Альпах и условия для жизни получше, и проблем меньше.

А в целом в пещерах сейчас обитала популяция выведенных в колбах «истинных арийцев», прошедших жесткий отбор. И поскольку из древних рун был вычленен облик тех, изначальных, ариев, к которому генетики подгоняли внешность зародышей, все жители пещер, что на Западе, что на Востоке, были очень похожи друг на друга: светлоглазые и светловолосые, с правильными чертами лица.

Впрочем, у первого поколения, зачатого в колбах, лица получились не так чтобы и правильными. Нет, совсем уж некрасивых среди них не было, но лошадиная челюсть или

слишком длинный нос встречались. И с телосложением тоже поначалу не все получалось – хватало и толстых, и коротконогих, и рост не у всех был высоким.

Но с каждым годом методика совершенствовалась, и к моменту появления на свет Кая Ландберга по тоннелям между пещерами уже бегали хорошенькие белоголовые детишки с прямыми аккуратными носиками, большими голубыми или серыми глазами и четким рисунком губ. А еще они все были тоненькие и анатомически правильно сложенные.

Правда, особым здоровьем похвастаться не могли, а еще из-за постоянного обитания в подземелье практически у всех была молочно-белая, слишком чувствительная к солнечному ультрафиолету кожа. И глаза не выносили яркого света, так что при выходе на поверхность приходилось надевать солнцезащитные очки и натирать открытые участки кожи специальной защитной мазью, рецептура которой была разработана учеными «Аненербе».

А еще с того момента, как ребенок мог произносить первые слова и делать первые шаги, он попадал в специальные ясли, где и начиналась психологическая обработка будущих «белокурых бестий». Подросший ребенок плавно переходил в детский сад, оттуда – в школу-интернат, и на выходе получали нужный продукт: абсолютно преданного общему делу наци.

Сбоев такая система воспитания не давала, поскольку дети общались только с обитателями подземелья, все осталь-

ные жители Земли считались недочеловеками, чье предназначение в будущем мировом порядке – рабство. То есть тотальное подчинение расе господ.

Вот только раса была ну очень уж малочисленной, и даже разработки нового оружия и новых технологий, на десятков лет опередивших научные изыскания на поверхности, не могли гарантировать господства над миром. А на меньшее истинные арийцы не разменивались, к тому же печальный опыт Третьего рейха, обладавшего гораздо большими человеческими ресурсами, свидетельствовал о последствиях излишней самонадеянности и торопливости.

Ничего удивительного, между прочим, чернявый коротышка Адольф Шикльгрубер вряд ли мог быть истинным арийцем, в лучшем случае – десятая часть священной крови. Отсюда и позорная капитуляция.

В общем, система селекционного выращивания фанатиков сбой не давала.

А потом на свет появился Кай. Тоже зачатый в пробирке, а потом посаженный своей биологической матери Грете, чью яйцеклетку использовали при производстве идеального арийца.

Процесс вынашивания нового человека был очень трудным, методика отца Греты, гениального ученого Бруно Ландберга, отработывалась впервые, так что никто не знал, сможет ли Грета дожить до конца срока.

Особенно когда во время сеанса кратковременного облуп-

чения прибор дал сбой, и вместо малой дозы радиоактивности будущая мать получила почти смертельную. Но – длившуюся всего долю секунды.

Лаборант, управлявший прибором, перепугался до икоты и, опасаясь наказания, никому ничего не сказал.

Поэтому никто ничего и не узнал, а то, что Грете три дня после этого сеанса было чудовищно плохо, никаких подозрений не вызвало – ей почти всегда было плохо.

А потом все решили, что главный секрет своей методики Бруно Ландберг унес в могилу, поскольку все последующие мучения женщин, вынашивавших плод по его записям, были напрасными – появлявшиеся на свет дети в лучшем случае были самыми обычными, а в худшем – генетическими уродцами, мутантами.

По сути, Кай Ландберг тоже был мутант, но никто и не думал называть его так.

Может, потому, что описание изначальных ариев в древних рунах в точности соответствовало внешнему облику появившегося на свет ребенка: волосы цвета платины и серебряные глаза. Правда, там ничего не говорилось о меняющих форму пульсирующих зрачках, но это поначалу сочли временным дефектом.

А потом оказалось, что это не временно, это – навсегда. И Кай Ландберг не только внешне является символом надежды на возрождение древней расы, но и по сути своей – сверхчеловек.

Его интеллект на порядок превосходил умственные способности остальных жителей пещер, к десяти годам мальчик прошел не только школьный курс обучения, но и заочно изучил биологию, физику, химию, нанотехнологии на уровне университета. Благо с развитием глобальной компьютерной сети особых проблем с этим не было.

Кай умел одним лишь взглядом подчинять, внушать страх, управлять. А еще – противостоять чужому воздействию, которое, правда, исходило пока только от разработанных в лабораториях «Аненербе» приборов. Тех же парализаторов, к примеру.

В общем, это был настоящий прорыв. И мать первого истинного арийца, Грета, с нетерпением ждала момента, когда ее сын повзрослеет настолько, что сможет поставлять генетический материал для массированного возрождения древней расы.

И никаких препятствий для этого, кроме поначалу детского возраста своего сына, она не видела. Потому что была абсолютно убеждена, что Кай Ландберг, гордость «Аненербе», прошедший углубленный курс изучения всех результатов исследований и довоенных экспедиций основателей организации, не говоря уже о стандартной программе воспитания истинных арийцев, полностью разделяет убеждения своей матери и, как и она в свое время, жертвует личным ради великой цели.

Тем более что биологический материал, требовавшийся

от парня, и особо личным назвать было нельзя. Этого добра у каждого мужчины хватает, подумаешь, ценность!

Поэтому категоричное «нет!» стало для Греты шоком.

– Что значит – нет?! Ты вообще соображаешь, что творишь? Ты – единственный в своем роде, повторить эксперимент твоего деда так и не удалось, и у нашей нации надежда только на тебя, на твой генетический потенциал!

– Я не хочу, чтобы мои дети стали подопытными кроликами, – спокойно произнес шестнадцатилетний Кай, не отрывая взгляда от монитора ноутбука.

– Какие еще дети?! Это – всего лишь зародыши!

– Мама, не продолжай. Мы друг друга все равно не поймем. Я сказал нет, значит – нет!

– Да кто тебя спрашивать станет, мальчишка! Я не посмотрю, что ты мой сын, я...

Кай резко обернулся и пристально посмотрел матери в глаза.

А через мгновение Грета оказалась уже в тоннеле, ведущем к ее комнате. Как она сюда попала, женщина не помнила.

В общем, ни о каком насилии и речи быть не могло. Хотя один раз попробовали нейтрализовать спящего Кая и смогли забрать у парня нужное количество материала. Причем Кай, после того как его отпустили, даже особо возмущаться не стал. Только посмотрел на каждого из участников насилия внимательно, словно запоминая.

А потом оказалось, что все, полученное обманным путем, не пригодно для экспериментов. Ни одного бодрого живчика, лишь вялые, снулые головастики.

А чуть позже те, кто принимал участие в насильственном заборе материала, стали тупеть. Они не болели физически, нет, но в их головах словно кто-то стирал ластиком знания. И вскоре все они, до единого, были переведены из лаборатории на подсобные работы.

В общем, с тех пор никаких попыток применить в отношении Кая насилие не предпринималось, не так много было у жителей пещер талантливых ученых, чтобы терять их вот так. Да и обострять отношения с единственным представителем новой расы не хотели, его банально боялись.

Оставалось надеяться на наследников Кая, полученных естественным путем.

Но до сих пор Грета не могла понять – почему? Почему отлаженная система воспитания в случае с ее сыном дала сбой? Ведь каким бы ни был ребенок гениальным, программа закладывается в абсолютно чистое сознание, и только потом жизнь может внести какие-то коррективы, но очень незначительные.

Вот только женщина не учла одного. То, что выгодно отличало Кая от остальных обитателей пещер, и стало камнем преткновения.

Потому что сознание этого ребенка не было кристально чистым, когда он попал в лапы штурмбаннführеров из яслей.

Малыш уже многое понимал и чувствовал, на ментальном, подсознательном уровне, но – ощущал.

В том числе и бездушие, холодность, безэмоциональность окружающих его людей. И в первую очередь – собственной матери, у которой его младенческая душа искала нежности и тепла.

Но вокруг не было ни одного искреннего, доброго, любящего человека. Лишь биороботы, запрограммированные на одну цель.

Ни у кого в пещерах не было домашних любимцев, кошки и собаки использовались только в качестве подопытных животных.

И эмпат Кай, попадая в дальний блок пещер, где располагался исследовательский центр, ощущал ужас и боль несчастных существ. А еще – мучения «отбракованного» человеческого материала.

Это было страшно. И Кай старался как можно меньше бывать в той стороне.

А о том, чтобы обречь на муки собственных детей, и речи быть не могло!

В общем, его оставили в покое, разрешив принять выбранный лично Каем путь – естественный. Тем более что в Западном подразделении «Аненербе» имелась подходящая невеста.

Кай не возражал против их свадьбы, потому что Брунгильда действительно была очень красива. И у нее были та-

кие же серебряные глаза, в которых мужчина надеялся увидеть тепло и нежность.

Но увидел их в других – шоколадно-карих.

И пропал. И все остальные женщины перестали для него существовать.

Глава 4

И в первую очередь – вот эта, что так нелепо скачет сейчас по комнате и отправляет в нравственный нокаут изящную итальянскую мебель. Впрочем, вполне возможно, что изделия жителей Апеннин не знакомы с лексиконом портовых шлюх, так что нервный тремор стола и стульев связан с попыткой Брунгильды изобразить самку кузнечика.

Или богомола? Ту, что после оплодотворения просто и незатейливо откусывает голову отошедшему покурить самцу?

Хотя нет, его постылая супруга действительно любит его, Кай это чувствовал. Но любовь Брунгильды была похожа на ледяную глыбу, в которой нет ни капли тепла, только давящее желание обладать. Заполучить мужа в пожизненное пользование, превратить его с помощью виртуозной техники секса в послушную игрушку. И что самое неприятное, его собственная мать, Грета, всячески способствовала замыслу невестки, передавая ей разработанные в лаборатории снадобья для усиления сексуального влечения. Если верить рассказам тех мужчин, что принимали эти порошочки, через полчаса-час после употребления зелья внутрь становилось безразлично, кто перед тобой, главное – чтобы оно было живое...

Правда, Грета не ограничивалась афродизиаками, она все

еще пыталась усовершенствовать методику воспроизводства нордической расы, повышая с помощью химии вероятность передачи детям Кая всех качеств отца.

В общем, по замыслу матери, та фигня, что Брунгильда ежедневно подмешивала мужу в питье, должна была превратить Кая в идеальную машину для производства истинных арийцев. Чтобы он имел все, что движется, а уж движение возле него нужных особей женского пола Грета обеспечит! Она сама только что разрешила ему внебрачные связи с любыми понравившимися ему девушками их пещер. Раз уж его жена не в состоянии забеременеть – пусть это сделает другая.

В конце концов, препараты разрабатывались лучшими умами «Аненербе», и они должны, наконец, подействовать!

Так искренне считала мать.

Кай не возражал. И не показывал, что знает о заговоре женщин. Правда, никак не мог понять – они что, всерьез считают, что его можно обмануть? Да, когда-то он верил матери, потому что после того случая с насильственным забором биоматериала она больше никогда не пыталась хитрить и врать сыну, зная, что это бессмысленно.

И опасно.

И когда она разлучила его с Викторией, пообещав отпустить девушку на свободу, Кай поверил матери. И даже согласился жениться на Брунгильде, ведь иначе его самой любимой, его единственной в мире женщине обещали причинить боль. А в случае его намеренного противодействия про-

грамме воспроизводства – убить Вику.

Убить ту, с которой он впервые за тридцать лет жизни испытал невозможное, ослепительное наслаждение, многократно усиливавшееся ее ответным восторгом. Только эмпат может понять, ЧТО это такое!

У них была всего одна лишь ночь, но какая! Он снова и снова умирал, чтобы возродиться, он тонул в отражении нежности, страсти, наслаждения, он никогда еще не был так счастлив!

Они уснули тогда только под утро, оставшись единым целым, двумя слившимися навсегда половинками...

А утром эти половинки жестко, нет – жестоко оторвали друг от друга.

Кай никогда не забудет того унижения, той ярости, которые накрыли его с головой тем утром. Он и проснулся-то тогда от вползающей в омытую счастьем душу липкой ментальной грязи. Кто-то смотрел на него с презрением и осуждением, а еще ощущались похотливые мысли насчет Вики.

Они все собрались тогда в его личных апартаментах, удаленных на максимально возможное от центрального поселения расстояние. Кай давно уже обустроил в свободных пещерах свое собственное пространство, куда категорически запрещено было соваться.

Но они сунулись, посчитав, что в форс-мажорной ситуации запрет не действует, тем более для Президиума «Анербе» в полном составе: Президента Греты Ландберг и чле-

нов Президиума Вальтера, Бруно и Генриха.

Потому что форс-мажорней было некуда – их сверхчеловек, их гордость, их надежда, обладатель драгоценнейшей генетики ариев, осквернил себя связью с самкой недочеловека! И это – накануне свадьбы с прекрасной Брунгильдой!

И ладно бы выбрал девку из местных, так он в придачу ко всему еще и решил сорвать тщательно распланированную «Аненербе» операцию по возвращению Фридриху фон Клотцу аннексированного у него наследства. Огромное состояние досталось каким-то славянам! Этого допустить было нельзя, тем более что герр фон Клотц обещал в случае успеха операции постоянное финансирование «Аненербе».

И вот, когда все уже почти удалось, когда девку заманили сюда, на Урал, и Фрицци запер ее в лесной тюрьме, Кай вмешался и помог Виктории Демидовой бежать! Да еще и вступил с ней в противоестественную для любого уважающего себя арийца связь!

Они предусмотрительно прихватили тогда с собой парализатор, прекрасно осознавая, что иначе всем придется очень и очень плохо.

Мать сразу включила прибор на максимально допустимую мощность, но разъяренный Кай смог противостоять воздействию и уже почти встал...

И запаниковавший Президиум во главе с его собственной матерью врубили прибор на полную...

Он тогда чуть не умер.

А когда очнулся в той же комнате на той же кровати, Вики рядом уже не было. А вот мать – была. И больше никого, только они вдвоем.

– Ты не боишься? – сипло проклекотал Кай, недобро глядя на мать.

– Боюсь, – устало кивнула та, старательно избегая смотреть в глаза сына. – Но рассчитываю на твой разум и сыновнее чувство. И еще кое на что.

– Где Вика?

– На пути домой.

– И вы отпустили ее, несмотря на договоренность с фон Клотцем?! – Кай тщательно прислушивался к эмоциям матери, чтобы не пропустить возможную ложь.

– Пришлось. Ведь иначе с тобой не удалось бы договориться.

– Договориться о чем?

– Ты, как и было определено изначально, женишься на Брунгильде, причем срочно, свадьба через две недели...

– Нет!

– Что значит – нет? Мы и так ждали непозволительно долго, больше десяти лет!

– Я тут ни при чем, вы ждали, пока Брунгильда достигнет полноценного детородного возраста.

– Допустим. Но сейчас ей почти двадцать, и тянуть больше нельзя. Тем более что ты и сам был не против, ведь она очень красивая девушка.

– Ключевое слово – был. А сейчас – против. Мне нужна только одна женщина – Виктория Демидова.

– Кай, – Грета брезгливо дернула верхней губой, – прошу тебя, не напоминай мне о том позоре, что пришлось пережить два часа назад. Хорошо, что об этом не знает никто, кроме членов Президиума, иначе скандала было бы не избежать! И цель великого...

– Да плевать мне на вашу цель! – довольно бесцеремонно прервал пафосные завывания матери Кай, пытаюсь приподняться. Не получилось – к горлу моментально подкатил скользкий комок тошноты. – Мне эти ваши рассуждения о возрождении былого величия уже печень проели! И мне осточертело, что на меня смотрят исключительно как на племенного жеребца! И мысли ваши осточертели, и бездушие, и жестокость! Я давно уже хотел уйти, но цели особой не было, да и оборудование для исследований здесь хорошее, но теперь – все! Я ухожу! И не пробуйте меня удержать!

– И куда же ты пойдешь? – криво усмехнулась Грета. – К этой своей девке?

– Да! Я от нее хочу детей!

– И результат стольких лет лишений нашего народа выкинешь на помойку? Снова растворив в поганой крови выходцев с Гондваны с таким трудом очищенную свою?

– Довольно! – процедил Кай, сосредоточенно глядя на Грету. – Не заставляй меня делать то, что я не хочу, ты все же моя мать. Пусть даже только биологическая.

– Не старайся, сынок. – В глазах женщины мелькнуло торжество. Она подняла правую руку, и Кай увидел на запястье широкий металлический браслет довольно странного вида. – Это новейшая разработка наших ученых, она блокирует ментальное воздействие. Главное, не смотреть тебе в глаза. Правда, пока действует он недолго, но мне этого времени хватит, чтобы сказать все, что требуется.

– А что бы ты ни сказала...

– Ты сначала дослушай. Так вот, именно по этой причине мы и отпустили твою девку домой, а не вернули ее фон Клотцу. Только так можно заставить тебя быть послушным, ведь в противном случае...

– Понятно, – Кай откинулся на подушку и в бессильной ярости сжал кулаки, – в противном случае вы всегда сможете добраться до Виктории. Но если я буду рядом с ней...

– Все двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю? Постоянно? Не получится. – Грета снисходительно похлопала сына по руке. – Обязательно случится так, что Вика останется одна. И тогда...

– Можешь не продолжать. Я понял. – Голос мужчины мгновенно замерз. – Но дай слово, что вы оставите Вику в покое раз и навсегда.

– Обещаю – мы забудем о ее существовании!

Кай закрыл глаза и просканировал эмоции матери. Она говорила правду.

А на формулировку клятвы он тогда внимания не обра-

Тил...

Глава 5

Как же его ломало первые дни! Кай и сам не ожидал, что настолько прикипел душой и сердцем к этой невысокой кареглазой девушке, черты лица которой не были такими идеальными, как у его невесты Брунгильды, но они... они были живыми! И кажущееся несовершенство в целом выглядело намного женственнее и притягательнее, чем человеческий конструктор под названием Брунгильда Вюрнсдорф. Да и другие конструкторы женского пола, обитавшие в пещерах.

Все жители подземелья были слишком похожи друг на друга, словно братья и сестры, что вполне объяснимо – ведь производство шло по определенному лекалу.

И Кая уже подташнивало от окружающего его однообразия. Поэтому когда возникала необходимость командировок в Западное подразделение, он с удовольствием брал эту неприятную для большинства обязанность на себя.

Неприятную – потому что будущих властелинов мира этот самый мир пугал. Они все родились и выросли под землей, на поверхность выбирались редко – и глазам больно, и кожу надо постоянно обрабатывать, чтобы не обгореть, – а то, что они видели с помощью Интернета, земляных червей пугало. Эти недочеловеки вели себя безобразнейше! Никакого порядка, никаких моральных принципов и устоев, сплошная грязь и чудовищное количество пороков!

Нет, они выйдут на поверхность только тогда, когда основная часть человеческого мусора будет утилизирована!

В общем, толпы претендентов на поездку в Европу никогда не было.

И постепенно все привыкли, что туда ездит только Кай.

А ему как раз очень нравились шум городов, ухоженные парки, веселый смех детишек на аттракционах, толчея в магазинах, ласковое поглаживание ветерка, и даже морозящий дождик ему нравился! Но главное – океан эмоций! То, чего ему так доставало в пещерах, среди вымуштрованных биороботов.

В самый первый раз, когда он подростком поехал в Европу вместе с матерью – ученым Западного подразделения «Аненербе» не терпелось изучить способности мальчика, – Кай поначалу едва не сошел с ума от обрушившегося на него ментального шквала. Ему даже стало плохо в аэропорту Екатеринбурга, сердобольные пассажиры предложили вызвать врача – а это автоматически привлекло бы внимание к глазам мальчика, пока скрытым под темными стеклами очков. И Грета уже решила возвращаться обратно, но Кай смог адаптироваться, и ему... понравилось!

Особенно когда он научился разделять шквал на отдельные ветерки, уклоняясь от неприятных и подставляя истосковавшуюся по человечности душу под согревающие.

Вот женщина следит, как неподалеку играет ее малыш, ее глаза светятся нежностью – и у мальчика словно мягким пе-

рышком по сердцу провели. А потом он почувствовал, как с ресниц сорвалась слеза, за ней – другая...

Кай тут же вытер предательскую влагу, но Грета уже заметила и напряглась еще больше – ее сын последний раз плакал в трехлетнем возрасте, от боли, когда сломал руку.

– Что с тобой? – Женщина взяла мальчика за запястье, проверяя ему пульс. Он был учащенным. – Так, и с сердцем проблема. Да, рановато я тебя на поверхность вывела, надо было еще пару лет подождать. Остальные раньше двадцати даже носа солнцу не показывают. Все, поехали-ка домой.

– Нет, не надо, – спокойно произнес Кай. – Со мной уже все в порядке. Я просто не сразу смог заблокировать эмоции этих людей.

– Понимаю, мой мальчик, – посуровела мать. – Я даже предположить боюсь, сколько низменных чувств на тебя обрушилось, сколько грязи!

– Да, мама, ты не можешь этого понять.

– Ничего, Кай, ничего, скоро все изменится. Как только ты подрастешь и мы сможем получить еще много-много таких же, как ты, мы вылечим эту планету!

«Это вряд ли. Я очень надеюсь, что планета вылечит нас».

Но вслух Кай ничего не сказал.

Может, еще и потому, что как раз в этот момент возле них остановились двое – мужчина и женщина средних лет. Не сказать чтобы очень красивые или стройные – самые обычные внешне. Кажется, мужчина куда-то улетал, а женщина

его провожала.

И Кай окунулся в другой поток, в котором смешались боль расставания, беспокойство, тепло нежности, томление страсти, чувственное влечение, преданность, самозабвение, единение душ... Наверное, то, что вот уже тысячи лет люди называют любовью.

И это было... это было...

Это было больно. Так же больно, как и осознание своего сиротства при живой матери.

А может, и еще больнее. Потому что в его жизни никогда не будет ничего подобного, он – урод. Искусственно выведенный в колбе мутант, от которого хотят получить толпу таких же.

Именно тогда Кай и принял решение отказаться от участия в экспериментах. Он понимал, что от него все равно не отстанут, но рожденные естественным путем дети вряд ли смогут существенно изменить баланс сил в сторону «новых арийцев».

А ему придется довольствоваться отражениями чужих чувств, навсегда забыв о возможности испытать что-то подобное самому.

Конечно, в ментальном эфире человеческих эмоций хватало и грязи, причем иногда омерзительно гадкой, чего тоже не было в стерильном обществе пещер.

Потому что там вообще не было никаких крайностей, только серенькая серединка.

Но грязь Кай очень быстро научился блокировать и направлять мимо. А еще – когда намерения сочившегося ментальной гнилью человека были совсем уж гнусными или опасными для чьей-либо жизни – он вмешивался.

Он давно уже научился очень легко и быстро превращать любого в послушную марионетку, причем со временем ему уже не надо было смотреть для этого в глаза человека.

Надо было просто снять свои собственные очки и сконцентрировать взгляд на отрицательной особи.

Впрочем, проделывал Кай такое довольно редко, потому что на его пути чаще всего попадались самые обычные люди с самыми обычными чувствами и эмоциями.

А потом он встретил Вику. Викторию Демидову...

Он знал о существовании этой девушки. Знал и о тщательно сплетенной «Аненербе» паутине, в центре которой находился Фридрих фон Клотц, внешние данные которого свидетельствовали о его избранности – настоящая белокурая бестия, причем полученная путем естественного отбора.

Насколько Каю было известно, душка Фрицци уже пытался самостоятельно вернуть коварно отобранное (по его версии) гадкими славянами наследство, но угодил за решетку на долгие восемь лет².

Сидя там, он каким-то образом вышел на членов Западного подразделения «Аненербе» и обратился к ним за помощью, пообещав в случае успеха постоянное финансирование

² См. роман Анны Ольховской «Первый раз».

организации.

И к моменту выхода герра фон Клотца на свободу паутина уже была сплетена. Куплен заброшенный лесной хутор неподалеку от места дислокации Восточного подразделения, на месте полусгнившей развалюхи построили современный, оборудованный всеми удобствами дом, обнесли территорию участка высоченным забором, поселили там несколько псов, причем только трое из них были ротвейлерами, а двое отзывались не на клички, а на имена – Прохор и Василий, это были отморозки из местных, считавшие, что на непыльную работенку, причем хорошо оплачиваемую, их заочно нанял какой-то дойч. Хозяин вот-вот должен был приехать из Германии.

Сначала хотели устроить западню для Вики в Альпах – все было бы гораздо проще и дешевле, – но там ее могли быстро найти, связи и возможности Винсента Морено не стоило приуменьшать.

В общем, Виктория Демидова полетела на Урал.

Кай не одобрял всего этого, но и не вмешивался. Он вообще максимально дистанцировался от происходящего в пещерах, обустроив свое личное пространство. И наслаждался покоем, который вскоре должен был закончиться – свадьба с Брунгильдой Вюрнсдорф неумолимо приближалась.

Нет, Кай вовсе не был женоненавистником, он был нормальным мужчиной с нормальной ориентацией. И когда ему нужна была женщина, он ее получал – любая представитель-

ница слабого пола из живущих в пещерах с удовольствием разделяла со сверхчеловеком постель. Тем более что любовником Кай был умелым и его партнерши получали максимум удовольствия.

Но – все было технично, полезно для здоровья, приятно. Не более.

А переспать с кем-то там, на поверхности, Каю и в голову не приходило. И вовсе не потому, что он считал людей недочеловеками, просто... Услугами проституток он пользоваться не хотел, а банальный перепих после пары стаканов текилы ему был неинтересен.

В общем, его мать вместе с остальной верхушкой «Ане-нербе» плела свои сети, заманивая в ловушку какую-то Викторю Демидову, а Кай готовился к свадьбе.

И как раз летел обратно с церемонии официального обручения с Брунгильдой Вюрнсдорф, когда и произошла его встреча с судьбой...

Глава 6

Кай во время своих поездок старался общаться с попутчиками по минимуму, отгородившись от мира непроницаемыми стеклами черных очков. Но его внешность все равно привлекала внимание окружающих – слишком уж он выделялся из толпы. И в первую очередь – холеной гривой цвета платины и гладкой белоснежной кожей. Настолько гладкой, что мужчина казался ожившей мраморной статуей, одетой в элитные вещи.

В общем, пялились на него постоянно, и с этим ничего поделать было нельзя. Главное, вести себя абсолютно спокойно, не обращая внимания на откровенное разглядывание, и постепенно интерес окружающих выгорал – ну интересный типчик, и что?

Правда, иногда представительницы слабого пола, начитавшиеся, похоже, женских журналов, настоятельно рекомендуют всем барышням не ждать, пока принц соизволит обратить на них внимание, а самим идти в атаку на вожденную цель, нарушали его уединение.

Рекомендуемой атакой нарушали. Кто-то пер нагло, кто-то пытался кокетничать, некоторые разыгрывали нелепые сценки типа «ой, простите, что я вам на колени упала, я такая неловкая!».

Эти последние особенно раздражали Кая, поскольку их

выходки могли притащить на холеной холке большие проблемы. Связанные с лишением мужчины главного средства маскировки – темных очков.

Потому что глаза показывать было нельзя.

В этом Кай уже имел однажды сомнительное удовольствие убедиться. Он спокойно ждал вылета в накопителе, лениво листая какой-то журнал, когда сиденье рядом с ним придурочно взвизгнуло. А обонятельные рецепторы мужчины атаковала волна жутчайшего смрада, который получается, когда запах пота стараются забить, вернее – залить большим количеством духов.

И тут уже было абсолютно все равно, какими духами пользуется грязнуля – дешевыми или эксклюзивными, – результат всегда был один: биологическое оружие массового поражения.

К тому же едва не раздавившая худосочное пластиковое креслице особь воняла еще и ментально. Кай не уловил в ее эмоциях ничего светлого, лишь густое варево из похоти, наглости и привычки получать все, что мадам заблагорассудится.

Первым желанием, о котором ему истерически сигнализировало обоняние, было немедленно встать и уйти. Но в накопитель продолжали втекать новые пассажиры, и свободных мест для сидения уже не осталось. А до вылета еще полчаса, подпирать стену любителю комфорта Каю не хотелось.

И он остался сидеть, о чем очень скоро пожалел.

Совсем скоро, буквально через тридцать секунд.

Потому что испортившая воздух и настроение дама не привыкла ждать. Концентрация похоти в ее мыслях достигла максимально возможных размеров, вытеснив из и без того мелкой душонки все остальное.

На предплечье Кая легла горячая тяжесть. Он скосил глаза и еле удержался от испуганного вопля – на его руке лежала лапа. Именно лапа, не ладошка, пусть и ухоженная, уж больно здоровенная была эта ладошка, больше похожая на длань молотобойца. На коротких сарделькообразных пальцах, украшенных ярко-алыми наклеенными кинжалами, были нанизаны здоровенные уродливые перстни, само собой, золотые.

Да и сама обладательница всей этой «роскоши» изысканной красотой не блистала. А вот чем она блистала, так это ртом – почти все зубы прелестницы были закрыты золотыми коронками. А еще бабища – по-другому эти два центнера литого сала назвать было нельзя – обладала внешностью, заставившей Кая мгновенно поверить в то, что снежный человек (он же бигфут) все же существует. Во всяком случае, самка этой особи сейчас с вожделием тарасилась на него маленькими, затерявшимися под надбровными дугами глазками.

Правда, самка где-то сделала эпиляцию, потому что короткая рыжеватая шерстка осталась у нее только на верхушке черепа, но в целом образ был тот, что рисуют на кар-

тинках, изображающих снежного человека. И ножка у трепетной лани была соответствующая американскому варианту названия реликтового гоминоида – нижние конечности были буквально вбиты в опорки размера эдак сорок пятого. Причем где-то нашелся женский вариант обуви такого размера, во всяком случае, там имелся копытообразный каблук и кокетливый бантик.

В общем, практически тот самый гений чистой красоты. Ну, мимолетное виденье который. Во всяком случае, Кай очень надеялся, что это будет именно мимолетное видение и на самом деле его просто глючит.

Но видение сжало лапищу и, склонившись к уху мужчины, просипело:

– Красавчик, я тебя хочу!

– Простите? – приподнял брови Кай, безуспешно пытаюсь отодвинуться – у фемины еще и изо рта смердело!

– Не, ничего, ты меня не обидел, так что прощать нечего! – вероятно, мадам сейчас блеснула остроумием, потому что она какое-то время похрюкала, а потом попыталась перенести лапу с запястья на бедро мужчины. – Ох, какой же ты тверденький весь, мускулистенький! Конфетка просто, сосательная!

И снова последовал приступ захлебывающегося хрюканья, от которого внимание сидевших вокруг пассажиров мгновенно сконцентрировалось на странной парочке.

Что вовсе не входило в планы Кая, и он процедил, снизив

температуру голоса до точки замерзания:

– Что вы себе позволяете? Если вы пьяны, вам вообще нельзя на борт самолета!

И брезгливым движением сбросил потную лапу особи со своего бедра.

Вернее, попытался, потому что лапа впилась в его ногу стальной хваткой, а нежная барышня страстно зашептала ему в ухо:

– Ну не дури, не надо! Нам ведь лететь три часа, скучно будет, а я тебя развлеку! Ты даже не представляешь, что я умею! Мы с тобой зайдем один из туалетов, и я...

– И ты сейчас уберешь свою лапу с моей ноги, а потом – свою тушу с этого кресла, – еле сдерживая клокочущую ярость, проскрипел Кай, – и унесешь всю эту мерзость подальше от меня. Поняла?

– Что-о-о-о?! – И без того маленькие глазки окончательно исчезли под нахмурившимися бровями, страстная улыбка превратилась в злобный оскал, а лапа на бедре сжалась с такой силой, что Кай понял – без синяка не обойтись. – Ты что сейчас сказал, скотина б...я? Это у кого туша? Это у меня туша?!

– Еще какая! – заржал сидевший неподалеку парень. – Слышь, мужик, ну ты попал! Может, помощь нужна? А то эта кабаниха сейчас тебя раздавит!

– Спасибо, я справлюсь сам, – усмехнулся Кай, чем мгновенно довел бигфутшу до состояния амока.

– Ах ты...! – заблажила она, вскакивая с кресла. – Я к тебе со всей душой...

– Ты к нему со всей м...ой! – снова вмешался весельчак с соседнего ряда.

– Молодой человек, как вам не стыдно так выражаться! – поджала сухие губы пожилая дама, похожая на учительницу на пенсии. – Здесь ведь дети есть и женщины!

– Ага, а одна из этих женщин сейчас матерится так, что мой сосед Толяныч, грузчик из винно-водочного, нервно курил бы в углу!

– Это прискорбно, но тем не менее...

Что там было не менее, никто так и не узнал, потому что забрызгавшая Кая слюной носорожиха от слов перешла к делу и замахнулась на отказавшегося от ее сексуальных услуг негодяя дрожащей от оскорбления ладошкой.

Кай никогда до этого не подвергался нападению со стороны женщин, поэтому отреагировал с некоторым опозданием. Апперкота в челюсть ему избежать удалось, а вот до черных очков душечка добралась.

Его маскировка слетела с носа и тут же была мстительно затоптана продолжавшей материться тушей.

А потом туша почувствовала что-то неладное.

Вокруг больше не кричали, не возмущались, не матерились. В накопителе стало невероятно тихо.

Вдоль позвоночника нежной фемины с нестройным топотом пробежала толпа здоровенных мурашек, и она медленно

подняла голову.

А потом попыталась заорать. От ужаса. Но вопль застрял где-то на уровне миндалин, когда она встретила взглядом с фиолетовыми пульсирующими зрачками серебряных глаз.

Которые не могли принадлежать человеку...

Глава 7

Вы когда-нибудь слышали звук корабельного гудка? Рев еще тот, скажу я вам. Так вот этот рев по сравнению с воем, вырвавшимся из ротика златозубки, – жалкий свист, выдавленный рахитичным мальчиком.

Причем тональность воя постепенно менялась, переходя от басовых нот к верхнему «ля».

И это почти колоратурное сопрано вывело из ступора остальных пассажиров, общее состояние которых кратко и весьма эмоционально выразил все тот же парень с соседней скамьи:

– ...твою мать! Ты кто, мужик?

– Нелюдь! – ахнула благовоспитанная дама в букольниках. – Они среди нас, спасайтесь!

И напряжение, нараставшее в накопителе с угрожающей скоростью, превысило, наконец, предельно допустимое значение, взорвав тишину воплями и детским плачем.

Ситуация стремительно уходила... нет – убегала из-под контроля, к накопителю со всех сторон направлялись представители службы охраны аэропорта, а некоторые из мужчин, находившихся рядом с «нелюдью», решили по-свойски разобраться с гадом. С помощью увесистых бутылок, приобретенных в дьюти-фри.

Кай до этих пор толком не знал предела своих возможно-

стей, к тому же экспериментировал он в состоянии покоя, в комфортных, так сказать, условиях, но никак не в окружении враждебно настроенной толпы.

Адреналин буквально взорвался плохо открытой бутылкой шампанского, мгновенно наполнив кровь бурлящей энергией. Зрение вдруг стало невероятно резким, а краски – слишком яркими. В голове зазвенела скрипичная струна, и Кай практически увидел, как вокруг него концентрируется энергетический кокон невероятной силы.

Он почувствовал, что сейчас, в эту минуту, может все. Двигать на расстоянии предметы, расшвыривать бегущих сюда секьюрити одним взглядом, заткнуть рот бабищи ее же языком, заставить этих жалких людишек корчиться на полу от боли, разрушать, разрушать, разрушать...

Они хорошо знали свое дело, генетики из «Аненербе»... И его родной дед, конструировавший «сверхчеловека», тоже.

Оказалось, что на самом дне подсознания, в дальнем, покрытом паутиной и пылью углу, были припрятаны эмоции и чувства «истинного арийца», считавшего обычных людей генетическим мусором.

И эти мысли, эти чувства вырвались, наконец, из подвала на верхние этажи сознания, радостно приветствуя своего властелина:

«Ну, давай! Покажи этим отбросам, кто их хозяин! Раздави пару клопов, и в первую очередь вот эту безобразную самку, предков которой надо было стерилизовать, чтобы не

портили потомством настроение господ! Ты же можешь, ты чувствуешь силу!»

Да, он мог. И почти наслаждался своей властью, упиваясь волнами ужаса на грани безумия, заполнившими пространство.

Но внезапно...

Внезапно сквозь пузырящееся болото ментальной грязи пробился тонкий лучик любопытства. Детского, искреннего, чистого.

А потом его кто-то подергал за мизинец правой руки.

Кай с гневным недоумением посмотрел вниз. И буквально утонул в восторге узнавания, хлынувшем из широко распахнутых светло-коричневых глазенок:

– Ты... ты ведь тот самый, да? Маленький принц, да? Только выросший маленький принц! А где твоя роза?

– Что?

– Ну, роза! – Девчушка лет семи, худенькая, конопатая рыжуля с двумя туго заплетенными косичками, аж подпрыгнула от нетерпения. – Ты к нам в гости? Ты соскучился на своей планете? Ты такой красивый, я тебя таким и представляла, когда мне мама сказку про тебя читала! Фу, как воняет эта гадкая тетка!

Покрытый веснушками носик смешно сморщился, и девочка взяла Кая за руку:

– Пойдем отсюда. А то они орут, сейчас папу моего разбудят, а мне тебя надо увести.

– Куда? – невольно улыбнулся Кай, ощущая, как от маленькой теплой ладошки по всему телу распространяется очищающая эмоции и мысли волна света.

– Спрятаться тебе надо, – деловито объяснила барышня. – Ты один, а дядек злых много. И наши тут с бутылками вон топчутся, и вон те с пистолетами бегут!

– Ничего, я справлюсь. Спасибо тебе, солнышко!

– А откуда ты знаешь, что меня мама и папа Солнышком зовут? – восхищенно прошептала девочка.

– Потому что ты похожа на солнышко, и...

– Слышь, ты, нелюдь, отойди от малышки! – хрипло рявкнул один из пассажиров.

– Ты зачем так плохо про него говоришь? – сердито топнула ногой рыжюлька. – Он людь, он самый лучший людь! А ты злой!

– Все, маленький, дальше я сам, – Кай благодарно сжал маленькую ладошку. – Ты сейчас сделай, пожалуйста, что я скажу. Залезь вот под эту скамейку, закрой ушки ладонями и крепко-крепко зажмурься. И сиди так, пока тебя не попросят вылезти.

– А зачем? – Тонкие рыжие бровки сосредоточенно нахмурились.

– Некогда объяснять, малыш, просто сделай.

– Ну хорошо. Только пообещай, что папу не обидишь!

– Я никого не обижу, не бойся, я просто хочу, чтобы ты запомнила меня.

– Но я...

– Солнышко, поторопись!

– Ла-а-адно, – проворчала девочка, залезая под ближайшую скамейку.

Весь этот разговор занял не больше двух минут, и в целом ситуация не особо изменилась – бабища все так же голосила, зажмурившись от ужаса и трясая головой, народ привычно истерил, секьюрити уже почти взяли странного мужика с нечеловеческими глазами в кольцо, за их спинами отважно размахивали бутылками с виски и текилой бравые пассажиры – глобальная зад... проблема, в общем.

Но это уже не особо волновало Кая. Он знал, чувствовал – справится. Сила все так же бурлила в крови, но она была светлой. Давить и разрушать больше не хотелось.

Кай выпрямился, сжал ладонями виски и прикрыл глаза, концентрируясь.

А в следующее мгновение все, находившиеся в тот момент в здании аэропорта, на какое-то время потеряли сознание.

Нет, они не упали в обморок, они словно застыли, увязли во времени и пространстве, выключившись из реальности.

Ненадолго, буквально на пару минут.

А потом включились.

И озадаченно загомонили – что произошло? Почему практически все секьюрити оказались возле одного из накопителей? Почему несколько пассажиров с бутылками напе-

ревес столпились возле толстой некрасивой женщины? Решили вот прямо тут выяснить, сколько спиртного надо, чтобы эта страхолюдина стала желанной?

А диспетчер, сидевший возле камер видеонаблюдения, с недоумением рассматривал рябившие «снегом» мониторы. Судя по всему, все камеры одновременно вышли из строя, причем не только сами камеры, но и компьютеры, ведущие запись.

Все сегодняшние записи исчезли! И что он начальству скажет?

Громко храпевший на одной из скамеек полный рыжий мужчина всхрапнул последний раз, почмокал губами и сонно приоткрыл один глаз. Глаз выдал неправильную картину реальности. Мужчина задействовал второй глаз – та же фигня!

Он вскочил с места, заполошно оглянулся и заорал:

– Дуся! Дуся, ты где? Дусенька! Товарищи, где моя дочка? И почему здесь столько охраны? Что-то случилось с моей девочкой?!

– С вашей девочкой? – озадаченно переспросил один из секьюрити, а потом его глаза просияли: – Так вот зачем мы сюда прибежали! Оказывается, девочка пропала!

– Точно! – хлопнул себя по коленке парень с соседнего ряда. – А вот этот бабец, наверное, девчонку и сп...л! Хватайте ее, мужики, пусть скажет, зачем ребенка похитила!

– Ты че, о...л?! – взревела фемина. – На... мне чья-то па-

цанка, я детей терпеть не могу!

– Так вот же она! – улыбнулась дама в букольниках, указывая на одну из скамеек. – Маленькая, рыженькая – ваша?

– Моя! – Побледневший мужчина вытер выступившие на лбу бисеринки пота и облегченно вздохнул, присев на корточки возле скамейки: – Господи, Солнышко, ты папу до инфаркта своими играми доведешь! А... а зачем ты зажмурилась и ушки закрыла? Ну-ка, иди ко мне? Что случилось? Ты кого-то испугалась?

Он прижал к себе дочку и ласково провел ладонью по слегка замурзанной щечке. Девочка открыла глаза и осмотрелась:

– А где он?

– Кто?

– Маленький принц.

– Какой еще маленький принц?

– Ну, он сейчас не маленький, он уже вырос, но такой же красивый! И у него серебряные глаза с фиолетовыми огнями внутри!

– Фантазерка ты моя! – улыбнулся мужчина, выпрямляясь с дочкой на руках. – Это ей мама сказку Сент-Экзюпери недавно читала, вот Дусик и придумала.

– Ничего я не придумала, – упрямо прошептала девочка, с тоской оглядываясь по сторонам. – Просто он заставил вас забыть.

Глава 8

Кай еще смог купить в одном из магазинчиков аэропорта новые черные очки – ну как купить, взять с прилавка и положить возле замершей продавщицы деньги – и, шатаясь, направиться к выходу из здания.

А там сияло солнце, бежали по своим делам люди, ожидали прилетевших пассажиров таксисты. Правда, вот уже минут пять никто почему-то не мог войти в здание аэропорта, человек десять топтались у входа, с нарастающим раздражением облаивая тех, кто стоял у самых дверей:

– Ну, че застыли-то! Че пялитесь на двери, как тот баран на новые ворота? Никогда фотоэлементов не видели?

– Ой, самые умные выискались! – привычно огрызнулась сухощавая дама в кокетливой соломенной шляпке. – Прямо такие все продвинутые, куда нам, деревне, до вас! Мы и от телевизора-то шарахаемся, а тут – волшебные двери, батюшки!

– Ты не умничай, ты лучше дорогу освободи, – прогудел здоровенный мужик, отодвигая мощным плечом похожее на камышину недоразумение в шляпке. – У меня регистрация на рейс заканчивается через десять минут, а ты тут мешаешься!

– Ну-ну, – насмешливо поджала губы камышина, – удачи! Может, вас фотоэлементы испугаются и заработают! А то на

нас они не реагируют!

– Не реагируют – заставим. – Здоровяк потряс сомкнутые стеклянные створки. – Эй, там, наверху! – заорал он, глядя в равнодушный окуляр видеокамеры. – Кончайте квасить на рабочем месте, у вас тут с дверями засада! Че за фигня? – Мужик приблизил лицо к стеклу и озадаченно почесал затылок. – Внутри все замерли, стоят и в воздух таращатся! Че происходит-то!

– Может, бомба? – взвизгнул кто-то из дам. – Террористы?!

– Тьфу, дура! Типун тебе на язык! – Здоровяк поежился, словно от холода. – Никакие не террористы, все нормально, вон, зашевелились там уже! Наверное, что-то объявляли по громкой связи, вот и слухал народ!

– А что там насчет дверей? – нетерпеливо переспросил кто-то из арьергарда скопившейся у входа толпы. – Заработали?

– Вы же видите! – недовольно пробухтел мужик. – Все по-преж...

И в этот момент двери медленно, словно нехотя, начали раздвигать створки.

– О, очнулись, козлы! – торжествующе заорал здоровяк. – Набить бы им морды, дак времени нема! Опаздываю!

И он сосредоточенным кабаном ломанулся сквозь образовавшуюся щель, не дожидаясь, пока двери откроются на всю ширину.

И едва не сбил с ног бредущего на автопилоте Кая:

– Извини, блондин! Опаздываю!

– Хам! – вякнула ему вслед камышина и сочувствующе обратилась к Каю: – Вам плохо, молодой человек? Вы ужасно бледный!

– Да, что-то дурно стало, – еле слышно прошептал тот, из последних сил цепляясь за край сознания – не хватало еще сейчас в обморок шлепнуться, тогда все усилия были бы напрасны. – Наверное, от духоты.

– У вас, похоже, с сосудами беда. – Тетка деловито подхватила шатающегося незнакомца под локоть и повела к выходу. – У меня та же проблема, могу лекарством поделиться.

– Нет, благодарю вас, – слабо улыбнулся Кай, не делая попыток освободить руку – помощь ему была нужна, как никогда. – Я стараюсь не злоупотреблять лекарствами.

– Тоже правильно. – Камышина, оказавшаяся на удивление крепкой, заботливо довела его до скамейки, довольно уединенно расположившейся в тени высокого тополя, и помогла сесть. – Вот, посидите в прохладе, подышите, здесь вас не побеспокоят. Может, воды принести?

– Нет, не надо. – Шевелить губами становилось все труднее, Кай физически ощущал, как остатки энергии испаряются из его тела. – Вы и так мне очень помогли, спасибо вам огромное!

– Да не за что! – махнула рукой женщина, потом взглянула на часы и охнула: – Господи, я же опаздываю! Я ведь дочку

приехала встречать, она на обследование в Москву летала. Ее рейс уже должен был совершить посадку! Все, я побежала! До свидания!

И она помчалась обратно, смешно придерживая свою шляпку рукой.

А на скамейке осталась лежать кучка бесполезной ветоши.

Ну хорошо, не лежать, а сидеть, и ветошь была не совсем чтобы ветошь – новенький костюм от Бриони (Кай предпочитал этот бренд всем остальным), и внутри ветоши тоже вполне ничего такой образчик находился, вот только пользы от этого образчика сейчас не было никакой.

Он даже не мог отогнать осмелевшего воробышка, боком подпрыгнувшего к его ноге и попытавшегося выклевывать на тонкой коже итальянских туфель свои инициалы. И даже то, что Кай по пути к скамейке наступил на остаток хот-дога, и вкусные кусочки сейчас весьма креативно расположились на подошве и чуть выше, поведение наглой птицы не оправдывало.

Но Каю сейчас было не до спасения эксклюзивной обуви, он сосредоточил ошметки сил на одной цели – остаться в реальности.

Сознание вело себя совсем не по-товарищески, оно все время норовило соскользнуть в небытие и оставить хозяина на произвол судьбы. А произвол этот мог оказаться весьма проблематичным, на то он и произвол.

Таким опустошенным, вымотанным до потери сознания,

унизительно беспомощным Кай не ощущал себя никогда.

Но и того, что он устроил в аэропорту, он тоже до сих пор ни разу не проделывал. И даже не думал, что он это может.

Подчинить себе волю и сознание огромного количества людей, стереть из их памяти события последних десяти минут, вывести из строя всю электронику – да, и диспетчерской досталось скорее всего, но за пару минут ничего катастрофического произойти не могло – Кай до сих пор не мог понять, КАК он все это проделал.

Но и организм его тоже не мог этого понять, похоже. Мощнейший выброс энергии превратил сильного здорового мужчину в беспомощного младенца, хорошо хоть памперсы не понадобились. И Кай был бесконечно благодарен незнакомке в смешной шляпке, решившей помочь совершенно постороннему ей человеку. Причем помочь бескорыстно, просто потому, что этому человеку было явно плохо.

Вряд ли Кай смог бы добраться до этой уединенной прохлады самостоятельно, в лучшем случае он шлепнулся бы прямо на тротуар и опять привлек к себе внимание окружающих.

И стряхнуть с себя это внимание он уже не смог бы...

Он просидел тогда под деревом не меньше часа, прежде чем смог снова управлять своим телом достаточно уверенно.

Во всяком случае, вытащить мобильный телефон и позвонить матери он смог. Она немедленно выслала за ним машину, и через два часа Кай уже лежал в палате их подземного

госпиталя.

Он никому не сказал, почему сорвалась его очередная командировка, вернее, не сказал правды, объяснив свое внезапное недомогание нервным истощением – он слишком много сидел в последнее время у себя в лаборатории, занимаясь полезными для воссоздания нордической расы исследованиями.

Так думали его мать и члены Президиума. Да и все остальные жители подземелья, а как иначе, ведь Кай – символ и надежда! Самый что ни на есть взаправдашний истинный ариец!

На самом деле Кай меньше всего думал о Великой Цели, у себя в лаборатории он увлеченно работал над новыми разработками в области нанотехнологий. И вовсе не перегружался при этом.

Но все остальные должны думать именно так, потому что если они узнают правду о том, на ЧТО их символ и надежда способен в стрессовом состоянии...

Да они просто испугаются и шлепнут его по-тихому.

Нет, не мать, конечно, и не члены Президиума, те, другие, из молодых.

Внутри «Аненербе» давно уже сформировалось молодежное экстремистское крыло, не желавшее ждать, пока «старичье» выведет в колбах кучу сверхчеловеков типа Кая. А они что, ни на что не годный мусор?! Внешне они давно уже полностью соответствуют облику ариев, только что глаза не

отливают серебром, да и мозги у всех на месте – тупых отбраковывали в возрасте двух-трех лет. Так что с научными исследованиями справляются отлично. И современнейшее оружие массового поражения давно разработали, причем очень массового!

С помощью которого можно уничтожить население целой области, оставив нетронутым все материальное.

Так что никакие сверхлюди им не нужны, к тому же такие, что способны и их, истинных ариев, превратить в послушных зомби!

Кай знал, чувствовал неприязнь к себе этих радикалов и всегда был настороже. Правда, в открытую против него никто никогда еще не выступал, новые нацики надеялись со временем заполучить Кая себе, заразив его своими бредовыми идеями.

Но если они узнают реальные возможности «сверхчеловека», это мальчикам и девочкам вряд ли понравится.

В общем, меньше знают – лучше спят.

Глава 9

На полное восстановление сил Каю понадобилось тогда около недели, причем не простого отдыха, а интенсивного восстановительного лечения – один за другим начали барахлить все органы. Слишком сильным оказался выброс энергии, жизнь вытекла из тела почти полностью.

Да и сознание тоже не баловало хозяина полноценным мышлением, его хватало лишь на поддержание легенды о причинах такого тотального сбоя совершенной до этого времени системы по имени Кай.

Мать тогда испугалась всерьез, вот только даже жалких обрывков былых способностей Каю хватило, чтобы понять – Грета волнуется не о сыне, успокоительное она глотает при мысли о том, что столь близкая, уже почти достигнутая цель может похе... гм, исчезнуть вместе с испорченным опытным образцом.

Он так и не стал для женщины настоящим сыном. Родной кровиночкой, частичкой себя, смыслом и радостью ее жизни...

Всем тем, кем становятся для большинства мам их дети. И это он мог ощущать почти каждый раз, когда выбирался из осточертевшей норы на волю, к солнцу и небу.

И хотя Кай давно уже не был маленьким мальчиком, он в глубине души все же таил надежду, что мать его любит.

Но тайник оказался из песка, он рассыпался, и надежде больше нигде было таиться. И она ушла.

Кай и до этого был одинок – среди обитателей подземелья не нашлось ни одного, хоть немного близкого ему по духу, – теперь же одиночество стало пронзительно-острым.

А над душой захлопнулись защитные створки безразличия.

И поэтому он абсолютно не возражал, когда Грета решила ускорить его женитьбу на подростке Брунгильде. Решено было не ждать, пока девушка достигнет двадцати одного года, двадцать тоже нормальный репродуктивный возраст.

Очное знакомство с будущей женой было назначено на середину лета – жениху следовало окончательно восстановить силы перед поездкой в Альпы. А до тех пор Каю велено было отдыхать. Прогулки по лесу не возбранялись, но лучше ночью – не стоит подвергать ослабленный организм воздействию солнечной радиации. Главное – никакой работы!

Собственно, он и не настаивал.

Но через неделю безделья Кай едва не осатанел от скуки. И тоски...

Его буквально выжигало изнутри одиночество.

В город, к людям, он пока выбираться не решался, хотя причина для поездки туда у него была.

Та женщина в смешной шляпке, похожая на высохшую камышину. Краем ускользающего сознания Кай успел почувствовать ее многолетнюю душевную боль, когда она упомя-

нула о своей дочери, возвращавшейся после обследования в Москве.

Что, как, почему – он понять не смог. Да и не до того было тогда, если честно, он даже не зафиксировал в памяти след этой боли.

Он проявился гораздо позже, когда Кай окончательно пришел в себя. Можно было, конечно, подчистить память, выкинув ненужное, но не так уж и много там хранилось воспоминаний о доброте и бескорыстии по отношению к нему. Из последних – та славная маленькая рыжуха, что не испугалась его глаз, и незнакомка в смешной шляпке, не позволившая себе пройти мимо нуждающегося в помощи человека.

Хотя сама явно нуждалась в еще большей помощи.

И теперь настал черед Кая отдать ей долг.

Но это чуть позже, времени у него больше чем достаточно – сейчас только середина мая, до обручения с Брунгильдой еще целых два месяца. Мать вместе с подельниками из Западного подразделения «Аненербе» полностью погружены в заключительный этап операции «Виктория Демидова», ему велено отдыхать, вот он и отдыхает до тошноты.

Пойти погулять, что ли? Да, еще не окончательно стемнело, но в сумерках, да еще в лесу, его кожа вполне обходится без всяких кремов, которые он, кстати, терпеть не мог – словно в прозрачную пленку завернули.

В апартаментах Кая было два входа – из подземного тонн-

неля, ведущего в центр поселения, и из тщательно замаскированной пещеры снаружи. Так что куда и когда он выходил, отследить было сложно.

Да, собственно, и не задавался никто такой целью – куда он денется надолго!

Решено – на воздух! В лесу сейчас здорово – майское разнотравье, цветы, молодой хвоей пахнет. И звери как раз на ночные тусовки выбираются, можно будет поразвлечься.

Если на людях Кай старался применять свои способности как можно меньше, то на окрестном зверье тренировался всюю. И немало бестолковых мелких созданий спас от гибели в клыкастой пасти.

Оказалось, что животные поддаются его влиянию гораздо сильнее по сравнению с людьми, и управлять ими гораздо проще. И внушить любое чувство – от эйфории до смертельного ужаса – можно, совершенно не напрягаясь.

А также предупредить зазевавшуюся белку о притаившейся неподалеку кунице. Или зайца – о лисе. Ну а лису – во-о-он о тех охотниках.

Посмотрим, чем порадует лес сегодня.

Ох ты!

Кай аж пошатнулся от ударившей в сознание волны отчаяния и ярости. А еще – боли. Физической боли, разрывающей тело в клочья.

Причем боль не была постоянной, она шла приступами. Словно действительно кто-то где-то кого-то рвал. Клыками

и когтями. В ключья...

Но погибающий зверь – именно зверь, не человек – не сдавался. Он сражался отчаянно и яростно. До последнего вздоха.

И Кай ощутил невольное уважение к животному. А еще – желание помочь, спасти мужественного зверя, кем бы он ни был, тем более что грызня происходила где-то совсем близко.

Мужчина прикрыл глаза, сосредотачиваясь, установил точное направление поиска и побежал туда, ловко огибая камни и торчащие из земли корни.

Буквально через пять минут он услышал рычание, хрип и жуткий клацающий звук, который издают сшибающиеся в драке клыки хищников.

Кай прибавил скорости и буквально вылетел на небольшую полянку, заставив сплетенный из нескольких мускулистых тел клубок развалиться на отдельные составляющие.

Которых оказалось четыре штуки. Три сильных матерых волка и один зверь помоложе. Причем этот, молодой, не был чистокровным волком, в его появлении на свет явно участвовал какой-то крупный пес, то ли кавказская овчарка, то ли среднеазиатская.

Он тоже оказался изгоем в своей стае, как и сам Кай. Наверное, волчице когда-то захотелось разнообразия, и она самцу из своей стаи предпочла залетного кавалера. Ну и залетела, соответственно.

Что и как там происходило потом, можно было только догадываться. Но здесь сейчас происходило подлое и жестокое убийство молодого мощного зверя. Может, именно потому волки и решили покончить с метисом, что он вырос таким здоровяком и со временем мог стать вожаком стаи, но это все равно было нечестно – трое на одного.

О чем Кай им и сообщил прямо в слегка обалдевшие от столь экстравагантного появления человека морды:

– А ну, собрали лапы в кучу и унесли себя отсюда! Ишь, храбрые какие, втроем решили одного парня завалить! Брысь!

Сам парень, если честно, уже ни на что не реагировал, лежа на земле грудой окровавленных лохмотьев. Только по тяжело вздымавшейся грудной клетке можно было понять, что зверь еще жив. Пока жив.

И волки явно собирались довести дело до конца, о чем недвусмысленно сообщили глупому человечешке, посмевавшему влезть в чужие разборки даже без воняющей смертью железной палки! Вот так и приперся, с голыми слабыми ручками и смешными зубками! Дебил!

Хищники начали медленно обходить Кая, сжимая его в кольцо. Уши прижались к голове, мускулы под клочковатой шерстью упруго перекатывались, из горла рвался угрожающий рык, а в желтых глазах все больше разгоралось торжество победителей.

В следующую секунду сменившееся безумным страхом,

нет – ужасом. Волки утробно взвыли, потом завизжали и, поджав хвосты, ломанулись сквозь ближайшие кусты. При чем один из них, судя по специфическим звукам и запаху, страдал тем же недугом, что и перепуганные медведи.

Кай подошел к лежавшему неподвижно зверю и присел перед ним на корточки:

– Ох ты, бедняга, как же они тебя отделали! Кажется, я опоздал. Жаль.

Он уже хотел встать и пойти за лопатой, чтобы похоронить сражавшегося до конца пса (волки ведь не приняли его в свою стаю, значит, он не волк, а пес), как вдруг плотно зажмуренные веки зверя затрепетали, а потом медленно открылись.

И из янтарно-коричневых глаз на Кая хлынули благодарность, тоска, надежда, преданность – все то, что накопилось в одиноком сердце изгоя.

И чего так не хватало Каю...

Глава 10

До этого момента ему и в голову не приходило использовать свои ментальные способности для исцеления. Да, собственно, и лечить особо некого было – после жесткой отбраковки в ряды новых ариев вливались самые здоровые и жизнеспособные особи. Лазарет в подземелье, разумеется, имелся, простуды и травмы никто не отменял, но случаев тяжелых заболеваний – онкологии, к примеру, или туберкулеза – среди членов «Аненербе» отмечено не было.

Правда, Кай подозревал, что случаи-то как раз были, вот только лечить заболевшего никто не собирался, несчастный сразу утрачивал свою ценность для будущей нордической расы, становясь слабым звеном. И его попросту «утилизировали» по-тихому.

В общем, с насморком и сломанной ногой в лазарете справлялись, смогли и Каю помочь, тем более что ничего особо сложного в его лечении не было – бесконечные капельницы с восстанавливающими препаратами, барокамера, физиопроцедуры, массаж – обычный санаторный режим. Кстати, и сауна, и бассейн в подземелье наличествовали, как и превосходный тренажерный зал. А как иначе – истинные арийцы не имеют права быть хилыми. Бести же, белокорые.

Так что ни одного повода поэкспериментировать со сво-

ими способностями еще и в этом направлении у Кая не было. Да и, если честно, ему подобное и в голову прийти не могло – как, чем он может лечить? Он научился ментально управлять людьми и животными, но воздействовать на физиологию, на жизнь тела? Для этого надо как минимум досконально знать эту самую физиологию, изучить анатомию, понимать процессы, происходящие внутри живого организма. Кай, конечно, имел представление обо всем этом, но достаточно поверхностное, хотя Грета настаивала в свое время, чтобы ее сын занялся исследованиями именно в данной области. Кому, как не первому сверхчеловеку, заняться скрупулезным изучением себя, единственного?

Но Кай в весьма категоричной форме отказался, намеренно дистанцировавшись от выращивания гомункулусов.

И никогда не жалел о своем решении.

А сейчас, глядя окровавленную лобастую голову умирающего пса, впервые искренне пожалел об этом. Никто никогда не смотрел еще на него с такой надеждой, ни от кого Кай не ощущал столько благодарности, а еще... еще та боль, которую испытывал сейчас изувеченный зверь, была очень похожа на бесконечные волны муки и страдания, кругами расходящиеся от лабораторий «Аненербе»...

Он больше не мог сидеть вот так, бесполезным камнем, даже не пытаясь помочь угасающему животному! Да, пес потерял слишком много крови, у него страшная рана на горле, перекушена передняя лапа, в клочья изорваны бока и грудь,

кровавое месиво вместо брюха, да, он не жилец, но попробовать ведь можно? Хуже все равно уже не будет.

– Ты держись, парень, – прошептал он, заглянув в переполненные болью глаза, – я постараюсь тебе помочь.

«Бесполезно».

– Посмотрим.

Кай положил одну ладонь на разорванное горло пса, а вторую – на окровавленное брюхо, закрыл глаза, сосредоточился и попробовал сконцентрировать пульсирующую внутри силу в единое целое. Получилось – он почти увидел, как по рукам к ладоням устремился поток света.

И начал втекать в уже почти мертвое тело пса, изгоняя оттуда разрушающую энергию смерти...

Похоже, смерть не ожидала такого свинства, она ведь уже практически завладела добычей, и вдруг – ее вышвыривают вон! Нет уж, я еще поборюсь, я без боя не сдамся!

Пес вздрогнул всем телом, а потом его начало корезить. Судороги буквально выворачивали и без того измученное тело бедняги, Кай едва мог удерживать на месте ладони, от напряжения на лбу выступила испарина, по телу пошла дрожь, но поток света не уменьшался.

Он неплохо восстановил силы, как оказалось.

– Терпи, мой хороший, терпи, – сквозь зубы приговаривал Кай, в любую секунду ожидая почувствовать на своих ладонях мощные клыки обезумевшего от боли зверя.

Но так и не дождался. Потому что пес терпел. Зверь знал,

чувствовал – этот странный двуногий причиняет ему дикую боль вовсе не от жестокости, не от желания насладиться страданием беспомощного существа, он помогает.

Вытягивает из той страшной темноты, в которую пес уже почти погрузился...

В какой-то момент Кай почувствовал – все, хватит, достаточно. Он справился. Пес будет жить. Что он сделал, как, почему – Кай не знал. Внешне все выглядело все так же жутко – раны никуда не делись, кровь не высохла, лапа не срослась.

Но смерть ушла.

Судороги больше не сотрясали тело зверя, он обессиленно лежал на окровавленной траве, со свистом втягивая в себя воздух. Мутная предсмертная пленка исчезла из его глаз, парень даже смог вяло шевельнуть хвостом и еле слышно проскулить.

– Ну вот, – Кай устало прислонился спиной к стволу ближайшей сосны, – а ты говорил – «бесполезно»! Запомни, дружище, в жизни никогда не надо сдаваться, надо сражаться до конца. Хотя кому я это говорю – ты и так держался, сколько мог. Молодчина! Теперь я тебя подлечу, поставлю, так сказать, на лапы, ты вернешься в свою стаю и покажешь, кто там вожак!

«Нет».

– Что значит – нет? – автоматически переспросил Кай, а потом озадаченно нахмурился. – Эй, послушай! Ты что, и в самом деле мне отвечаешь? Ты умеешь разговаривать? Фу-

ты, глупости какие! Я совсем ослабел, похоже, снова мозги набекрень.

«Стая плохо. Вожак ты. Быть рядом. Всегда».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.